

Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ,
президент Правозащитного фонда
«Комиссия по свободе доступа к информации»

СМИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Введение

Проблематика, связанная с треугольником «власть» - «общество» - «СМИ», всегда была предметом пристального внимания как теоретиков, так и журналистов-практиков. В последние годы в этой проблематике выделилось направление, обозначаемое обычно через связку «СМИ и гражданское общество». Появилось много публикаций, проводятся научно-практические конференции, круглые столы, дискуссии. Интерес к этой проблематике обусловлен прежде всего тем обстоятельством, что Россия, как и многие другие страны, находится в ситуации выбора стратегической модели развития. Точнее, выбора отношения к одной-единственной модели, которая предъявлена всему человечеству так называемым Западом. Суть этой модели довольно проста: рыночные отношения в экономике, права человека как альфа и омега общественной жизни, уважение к Закону, защищающему права человека, публичность и информационная открытость власти, действительно подотчетной избирающему ее народу. В других терминах эта модель описывается понятиями: «гражданское общество», «открытое общество», «информационное общество».

Разумеется, реальная жизнь в странах Запада отнюдь не всегда протекает в соответствии с этими идеалами. Но глупо и смешно на этом основании отрицать саму эту модель, так же как глупо и смешно, отрицать заповеди Иисуса Христа из-за того, что поведение многих верующих им не соответствует. Важно другое: западные общества, выдвинувшие эту модель организации жизнедеятельности социума, медленно, трудно, но настойчиво реализуют ее, доказывая, что так можно жить и более того, жизнь, организованная на этих основаниях, значительно эффективнее, чем жизнь в других обществах. И сейчас перед остальными странами со всей остротой встал вопрос: брать ли эту модель за основу или

искать другие, а если брать, то как ее реализовать с учетом принципиально разного исторического и культурного опыта народов.

Существует три варианта ответа на этот вопрос. Один из них можно обозначить понятием **«вестернизационный проект»**, другой – **«модернизационный проект»**, третий **«фундаменталистский** (или, в других терминах, **«архаический»**) **проект»**.

Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта.

Сторонники модернизационного проекта считают, что «западный проект мироустройства» сталкивается в России с неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней уверенностью в уникальности российской культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях. Нежелание идти на политическое объединение планеты совмещается со стремлением к хозяйственной унификации и т.д. и т.п.

Наконец, «фундаменталистский проект» ориентируется на принципиальный и высокомерный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи «возврата к истокам», «припадания к глубинным основам народной мудрости» и т.д.

Что касается России, то, как и многие другие государства, вкусившие горькие плоды практического воплощения социальной утопии, она приступила к самотрансформации. Уникальность такой трансформации в России заключается в одновременном протекании трех процессов: в переходе от тоталитарного политического режима к демократическому, от централизованно планируемой экономики к рыночной и от бывшей советской империи к формированию национального государства.

В течение последних десяти лет Россия удалялась от тоталитарного прошлого. Происходило становление институтов политической демократии, формировался рыночный характер экономики, создавались новые правовые основы государственной и общественной жизни. Ушли в прошлое цензура и идеологический диктат в сфере культуры и искусства.

Однако во многих важных сферах жизни страна развивалась в сторону хотя и нового, но не слишком привлекательного общественного устройства. Прошла приватизация государственной собственности, в процессе которой сложился симбиоз части государственного чиновничества и финансово-промышленной олигархии. Усилилась опасность превращения государства в поле для соперничества различных кланов, обладающих реальной экономической и политической властью и использующих институты демократии в своих узкокорыстных целях. Новые демократические институты еще не стали настолько сильными, чтобы эффективно противодействовать этим тенденциям. Тем не менее, некоторые демократические ценности, такие как зачатки гражданского общества, независимая пресса, политический плюрализм, конкурентная система выборов, уже достаточно укоренились в общественном сознании.

В России появились основные атрибуты демократической государственности: выборность руководителей исполнительной власти и законодателей, многопартийность, разделение властей. В последние годы происходила также определенная стабилизация государственной власти и управления. Отошли в прошлое катастрофические конфликты между ветвями власти, нормализуются на договорной основе отношения федерального центра и регионов. На разных уровнях власти появляются квалифицированные и образованные менеджеры.

Вместе с тем еще окончательно не решены проблемы распределения полномочий и ответственности между федеральным центром, регионами и местными органами власти. Обеспечение социальных нужд (медицины, образования и т.д.) остается острой общенациональной проблемой. Цивилизованные и максимально прозрачные отношения бизнеса и государства, защита конкуренции и добросовестного предпринимательства находятся в зачаточном состоянии. Слабо развито партнерство между государством и обществом, еще не сложились механизмы общественного контроля за властью. В результате сохраняется, а временами нарастает отчуждение власти от общества

и общества от власти. Широко распространено представление о коррумпированности и неэффективности государства. С другой стороны, власть по-прежнему нередко видит в населении не граждан, а подданных.

Во многом это объясняется отсутствием общественного согласия по поводу функций и обязанностей государства в современной России. С одной стороны, государство пытается выполнять круг обязанностей, масштаб которых несоразмерен его возможностям. С другой - государство не способно выполнять часть своих неоспоримых обязанностей. В результате эффективность государственного управления остается невысокой. В общественном сознании и в менталитете представителей государственной власти продолжают доминировать искаженные мнения о взаимных обязанностях и взаимоотношениях общества и государства.

В России активно формируются институты гражданского общества. Прежде всего это выражается в бурном развитии неправительственных (негосударственных) организаций (НПО, или НГО), формировании влиятельной, независимой от государства прессы, создании условий для возникновения местного самоуправления. В настоящее время НПО насчитываются десятками тысяч. Однако многие из них нестабильны, малочисленны и не в силах оказать существенного влияния на органы власти. Отсутствуют начала доверия и партнерства между НПО и властными органами. Кроме того, отсутствуют стабильные информационные связи между неправительственными организациями, недостаточна координация их действий даже по тем вопросам, где их объединяет общий интерес.

В развитии средств массовой информации наметились негативные тенденции, связанные с процессом установления над ними прямого контроля как со стороны власти, так и со стороны олигархических групп. Одновременно происходит кризис ряда независимых СМИ, в частности, из-за их неспособности или неумения найти источники финансирования, характерные для рыночной системы.

Для того, чтобы понять, почему это происходит, необходимо дать хотя бы краткую характеристику смыслового комплекса, обозначаемого понятием «гражданское общество», которое является предметом ожесточенного спора между сторонниками трех обрисованных выше проектов развития России.

Исторические корни идеи «гражданского общества»

Канадский политический философ Чарльз Тэйлор выделил две основные традиции понимания гражданского общества. Л-традиция, восходящая к Джону Локку и названная так по первой букве его фамилии, рассматривает гражданское общество как некое этическое сообщество, живущее по естественным законам до и вне политики. М-традиция, берущая свое имя от Шарля Монтескье, указывает прежде всего на другой аспект: она представляет гражданское общество как набор независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае надобности защищающих свободу индивида от посягательств власти.

К Л-традиции Тэйлор отнес, кроме Локка, многих других авторов англо-американской либеральной мысли. Сюда попали такие теоретики, как Адам Фергюсон - автор первого специального исследования "Опыт истории гражданского общества" (1767), Адам Смит - автор фундаментальной "Теории нравственных чувств" (1759), заложившей основы более позднего и лучше нам известного исследования "О богатстве народов", радикальный мыслитель американской революции Томас Пейн с его теорией минимального государства и другие. Однако центральный компонент Л-традиции составляет не представление о "гражданском обществе", поскольку, следуя концептуальному аппарату своей эпохи, Локк чаще всего употреблял это понятие как синоним терминов "политическое общество" или "государство". Для Л-традиции важна концепция естественного состояния, в которой уже заложены все основные черты той совокупности разнообразнейших форм жизни, которую более поздние англо-американские теоретики будут называть "гражданским обществом".

Вводя несколько позже термин «civil society» в его нынешнем понимании, Фергюсон и Смит тоже исходили из локковского видения мирной и разнообразной дополитической жизни сообщества. Во-первых, они противопоставили гражданское общество военному как общество мирное, действующее гражданскими, а не военными методами и отдающее предпочтение при реализации своих целей мирной торговле перед вооруженным захватом. Во-вторых, их гражданское общество противостояло обществу варваров, не знающих утонченных манер и не ведающих о промышленных и культурных достижениях

цивилизации. Гражданское общество в этом смысле - это общество, вкушившее всех плодов цивилизации. Диктат этики, гражданские, а не военные методы разрешения немногочисленных споров, совместная гордость успехами сообщества связывают людей, придерживающихся цивилизованных законов в своей насыщенной жизни вне политической сферы. Как производное от людских потребностей и забот минимальное государство появляется только тогда, когда гражданское общество вызывает его к жизни.

Исходный пункт М-традиции, напротив, - наличие сильного централизованного государства. Шарль Монтескье, Бенжамен Констан и Алексис де Токвиль сосредоточивали внимание на проблеме защиты политической свободы от угрозы деспотического вмешательства государства в жизнь индивидов или групп населения. Их понимание гражданского общества сводится к идее *corps intermediares*, или "промежуточных тел" ("властей"), опосредующих отношения между индивидом и государством.

Монтескье писал о традиционных привилегиях дворянства и духовенства, независимости судов, вольностях городов, гильдий и корпораций как об опосредующих властях, сдерживавших деспотизм европейских абсолютных монархий. Отправление правосудия, сбор налогов, даже формирование армии бывали часто отданы на откуп влиятельным аристократическим семействам, провинциальным ассамблеям и парламентам, городским корпорациям и муниципалитетам. Корона вынужденно передавала часть своих полномочий этим опосредующим властям; она не могла назначать их членов, которые вследствие своей независимости и вековых привилегий могли противостоять деспотизму власти и защищать индивида от ее посягательств.

Токвиль, живший уже после революционного устранения всех этих опосредующих корпоративных институтов, в конце XVIII - начале XIX века, остро чувствовал угрозу свободе индивида со стороны мощного централизованного государства. Он развил теорию Монтескье, предположив, что функции защиты индивида, то есть роль старых "промежуточных тел", смогут взять на себя новые ассоциации граждан. Они должны были стать своего рода школой свободы, где граждане приобщались бы к нравам республиканской добродетели, необходимым для сохранения свободы от того, что он называл угрозой "демократического деспотизма".

Первая четкая формулировка тезиса об оппозиции гражданского общества и государства принадлежит Гегелю, синтезировавшему в своей теории Л- и М-традиции. В его понимании сфера гражданского общества представляется одной из ступеней развертывания этической жизни, чьи противоречия будут сняты только с появлением государства, реализующего всеобщий интерес; с другой стороны, "корпорации" гражданского общества явно напоминают опосредующие власти. Эту двойственность теории Гегеля важно подчеркнуть потому, что Антонио Грамши, еще один теоретик М-традиции, возродил в XX веке интерес к гегелевским корпорациям, хотя и мыслил уже в рамках марксистской теории полной аннигиляции противоречия между гражданским обществом и государством. Карл Маркс, как известно, посчитал присутствие корпораций в гегелевской политической теории пережитком феодального прошлого и полностью свел гегелевское понимание гражданского общества к экономической жизни и сфере реализации частных интересов.

Таким образом, представление теоретиков М-традиции о гражданском обществе как наборе независимых ассоциаций, опосредующих отношения между индивидом и государством, оказалось гораздо ближе к нынешним российским дебатам о гражданском обществе, чем Л-традиция. Исторически это можно объяснить тем, что наиболее популярная концепция гражданского общества пришла в Россию в 80-х годах через восточноевропейские интерпретации - в частности, через попытку истолковать опыт польской "Солидарности" в терминах Грамши. Противостояние авторитарного государства советского типа полу- или квазисвободным ассоциациям восточноевропейского "гражданского общества" казалось основой политической динамики этого времени. Создание подобных ассоциаций и до сих пор продолжает многим казаться единственным залогом укоренения либерального политического режима в современной России.

Несмотря на ряд различий между английской, французской и немецкой идеями гражданского общества, соответствующие понятия относятся к единой западной концепции гражданского общества. Основные конститутивные элементы или институты гражданского общества - свободные ассоциации граждан (горожан), экономический рынок и публичная сфера. Но концептуальное единство обеспечивается не столько формальным совпадением структур, сколько тем, что западное гражданское общество сформировалось как общая для многих стран традиция или форма общественной жизни - как историческая конфигурация

практик самоуправления, экономического обмена и обмена мнениями (публичных дебатов). Именно на этом общем фоне английская, французская и немецкая политические теории последних двух столетий артикулировали идею гражданского общества. И именно благодаря тому, что новые формы жизни и мышления превратились в устойчивую традицию, о гражданском обществе на Западе постепенно забыли.

Второй жизнью идея гражданского общества, как известно, обязана восточноевропейским и советским "новым левым". Этот забытый термин был превращен в символ оппозиционного политического мышления и действия, в лозунг, который был способен объединить практически любые "антитоталитарные" движения. Западные ученые ответили на это новое явление многочисленными работами на тему гражданского общества, целью которых было, помимо прочего, подвести теоретическую базу под восточноевропейский энтузиазм. Ирония истории заключалась, однако, в том, что по мере продвижения "антитоталитарных" реформ в странах Восточной Европы, и особенно в России, разрыв между возрожденной концепцией гражданского общества и реальностью, которую этот термин призван был представлять, становился все более и более явным. А потому попытки спроецировать концепцию гражданского общества на политическую реальность бывшего советского блока в надежде найти элементы, аналогичные западному "оригиналу", неизбежно приводили к разочарованию.

Таким образом, аргумент в пользу «гражданского общества», представляет собой сложный комплекс доводов, причем не все из них совместимы друг с другом. Его вульгарный суррогат, который приобрел повсеместное хождение, провозглашает, что "густая сеть гражданских ассоциаций" содействует стабильности и эффективности демократической формы правления - как путем влияния объединений на "душевный склад" граждан, так и посредством способности ассоциаций призывать граждан под знамена общественных деяний. Считается, что молодые гражданские общества в Латинской Америке и Восточной Европе оказывают действенное сопротивление авторитарным режимам, осуществляют процесс демократизации общества снизу и заставляют авторитарное руководство осуществлять преобразования. Таким образом, гражданское общество, рассматриваемое как царство частных добровольных обществ, начиная с соседских комитетов (общественных организаций жителей микрорайона), "групп по интересам" и заканчивая благотворительными

организациями всех мастей, стало считаться важнейшим элементом как процесса демократизации, так и состояния уже сложившихся демократических обществ.

Если резюмировать этот аргумент таким образом, остаются без ответа многие вопросы. Некоторые из них касаются определения терминов и возникают из-за того, что понятие «гражданское общество» по-разному использовалось в различные эпохи и в различных странах. Например, следует ли включать в это понятие бизнес ("рынок") наряду с добровольными организациями или же рынок представляет собой отдельную, "частную" сферу? Если исключить рынок, следует ли, тем не менее, включить экономические объединения - предпринимательские ассоциации, профессиональные организации, профсоюзы и подобное? А как быть с политическими организациями? Может быть, полезно вслед за Антонио Грамши различать "гражданское" и "политическое" общества? Если принять эту парадигму, как тогда разграничить политические ассоциации *per se* и политическую деятельность групп гражданского общества - от "групп по интересам" до религиозных организаций, которые периодически начинают преследовать политические цели? Где та грань, за которой "гражданское" переходит в "политическое"?

Помимо этих терминологических проблем, следует также иметь в виду неопределенный характер отношений между "гражданским обществом" и демократической формой правления. Каким образом ассоциации, в которые объединяются индивиды, могут обеспечить широкомасштабные политические и социальные блага, постулируемые "аргументом в пользу гражданского общества"?

Пытаясь ответить на эти вопросы, может быть, было бы полезно грубо развести две основные версии "аргумента в пользу гражданского общества". Первая версия наиболее четко отражена в работе Алексиса де Токвиля "О демократии в Америке", которой предшествовал важный труд "шотландских моралистов" восемнадцатого века - Адама Смита, Адама Фергюсона и Фрэнсиса Хатчесона. В рамках этого подхода особое внимание уделяется способности коллективной жизни в целом и навыков общения и совместной работы, в частности, воспитывать цивилизованный образ жизни и манеру поведения в демократическом государстве. Эту группу аргументов мы будем называть "гражданское общество I". Вторая версия наиболее отчетливо сформулирована Яцеком Куронем, Адамом Михником и их соратниками в ходе выработки стратегии

сопротивления коммунистическому режиму в восьмидесятые годы в Польше. Она также четко прочитывается в недавних работах по процессам "редемократизации" в Латинской Америке. Этот аргумент, который мы назовем "гражданское общество II", подчеркивает свойство гражданского общества быть сферой деятельности, независимой от государства и вследствие этого способной пробуждать и питать сопротивление тираническому режиму.

Между "гражданским обществом I" и "гражданским обществом II" имеется некоторое противоречие, поскольку первое утверждает положительную роль общественных объединений в системе управления (правда, в демократической системе управления), а второе подчеркивает важность гражданских объединений как противовеса государству. В принципе неясно, почему "противовес" гражданского общества не может стать таким же бременем для демократического, как и для авторитарного государства. И действительно, раздаются голоса (например, экономист Манкур Олсон), которые предостерегают, что "густая сеть ассоциаций", восхваляемая аргументом в пользу гражданского общества, представляет опасность для гладкого и справедливого функционирования современных государств и рынков.

Как ни странно, и "гражданское общество I", которое подчеркивает политические преимущества аполитичного гражданского общества, и "гражданское общество II", сосредоточенное на политически ангажированных социальных субъектах вне традиционных политических ассоциаций, имеют тенденцию выносить за скобки собственно политические ассоциации, в особенности партии. Однако сходство в этом пункте не снимает понятийную неопределенность, о которой шла речь в начале. В самом деле, два варианта "аргумента" расходятся по поводу природы того гражданского общества, которое они сопоставляют с политическим обществом. Частично нечеткость определения вызывается самим размахом "аргумента". Гражданскому обществу приписывалась способность развивать демократию и обуздывать авторитаризм в таких разных местах и условиях, как Америка Джексона, послевоенная Италия, Восточная Европа на закате Советской империи и Латинская Америка при военных режимах. Временами кажется, что это понятие приобретает свойства газа, который может расширяться или сжиматься, приспосабливаясь к аналитическому пространству, предоставляемому ему тем или иным историческим или социополитическим контекстом.

В обоих вариантах аргумента в пользу гражданского общества отражаются свойства той конкретной ситуации, к которой их применяют. Сторонники аргументации "гражданского общества II" включают в него организации, призывающие граждан к протесту против тирании и к противостоянию государственной власти. Поэтому они совершенно справедливо подчеркивают конфликтный потенциал гражданского общества. Кроме того, они обращают особое внимание на новые формы ассоциаций, поскольку политические и традиционные организации часто запятнаны сотрудничеством с режимом. Точно так же сторонники аргументации "гражданского общества I" определяют "гражданское общество" в соответствии со своей парадигмой. Так Пунтэм включает в гражданское общество в основном те группы, чья деятельность порождает возделенные "сети, нормы и доверие", на которых зиждется "социальный капитал". В противоположность "гражданскому обществу II" он выдвигает на передний план традиционные ассоциации "второго эшелона", организации, не обладающие ни конфликтным характером, ни политическим весом. Таким образом, у каждого варианта аргумента образуется свой, отличный от другого, список соответствующих организаций. Но если мы не хотим, чтобы аргумент имел характер порочного круга, нам необходимо сделать шаг вперед. Аргумент в пользу гражданского общества крепится на достоинствах ассоциации и организованного общества *per se*; он не может бороться с его конфликтным потенциалом при помощи фокусов с дефинициями, но и не может игнорировать конфликт, лежащий в основе современного "организационного общества."

Российские версии «гражданского общества»

Понятия "гражданское общество" и "общественность" были для России XVIII века во многом новыми и непривычными. Формально гражданское общество как союз всех членов общества, соединившихся на основе общих чувств и для взаимной помощи, впервые определила Екатерина II. "Человеколюбие есть основание общества", - утверждала императрица. Сегодня такое определение кажется малозначимым и упрощенным, но два столетия назад оно вводило в оборот совершенно новую доктрину, которая обосновывала социальную целостность, моральное единство и взаимосвязь людей, живших в ту пору в

совершенно различных укладах и едва ли сознававших себя единым обществом. В обществе, писала Екатерина II, "многие семейства, соединившись вместе, живут под одною державою и под одинаковыми законами совокупно. Таковые союзы или общества называются гражданскими, иначе же называются народами".

Понятно, что слово "народ" используется здесь как эквивалент западноевропейского понятия «nation». Кроме того, в тексте понятия "отечество", "общество" и "государство" используются как равнозначные и взаимозаменяемые, что, в общем, соответствует стилю употребления этих понятий в текстах многих политических философов XVII века - в частности, теоретика естественного права Самуэля Пуфендорфа, из почти одноименной работы которого Екатерина II позаимствовала многие положения для своего учебного пособия.

Однако попытка ввести понятие гражданского общества "высочайшим повелением" имела весьма ограниченный успех, была чисто теоретической, не подкрепленной соответствующими изменениями в практике повседневной жизни, на фоне которой термин мог бы приобрести устойчивый смысл. Позднее такие изменения пережило иное понятие - "общественность", введенное "частными" лицами - Карамзиным и Радищевым - для описания конкретного социального опыта. Но и понятие "общественность", появившись в конце XVIII века, было затем забыто до 40-х годов следующего столетия. Важным исключением стал перевод Иваном Тимковским в 1817 году книги шотландского философа Адама Фергюсона "Опыт истории гражданского общества", где термином "общественность" переводилось понятие «public spirit» (в карамзинском значении - "дух общественности").

"Общественность" вновь появляется в словаре литературных критиков и публицистов 40-х годов прошлого века. Это понятие встречается в работах Белинского, Герцена, Огарева и других, где отражает идею социальной солидарности, специфического качества, формирующегося у людей, которые живут в обществе. При этом идеи социальности (общественности) и государственной службы противопоставлялись друг другу.

Тогда же постепенно утвердилось и второе значение понятия - как определенного слоя или группы людей, объединенных общей деятельностью, позицией или мнением. Это объясняется профессионализацией литературно-критической деятельности, формированием институтов общественного мнения и, соответственно, появлением новой публики, стремившейся утвердиться в

качестве источника и образца новых ценностей и вкусов, - процессом, который позднее иногда называли появлением разночинской демократической интеллигенции. Новая пишущая и читающая публика часто противопоставляла общественность обществу, желая отделить себя от светского (аристократического) салонного общества. Общественностью называли "прогрессивную" часть общества, состоявшую из людей, ценивших идеи и дела (гражданские поступки), в то время как "обществом" пренебрежительно называли высший свет, ориентированный исключительно на эстетизированное поведение и изысканные манеры ("хорошее" общество).

Такое употребление понятия "общественность" сделало его в определенном смысле уникальным. Термин, прежде обозначавший абстрактное качество ("социальность"), теперь стали применять для самоидентификации группы людей, коллективного субъекта или социального агента, причем с явным акцентом на позитивные качества прогрессивности, гражданственности и интеллектуализма. Действительно, едва ли какое другое абстрактное существительное русского языка, кроме, возможно, слова "личность", имеет такую историю перехода от обозначения качества к обозначению субъекта. Если значение слова "общество" менялось от конкретного социального собрания к абстрактному набору правил и институтов, объединявших все население, то смысл термина "общественность" эволюционировал в обратном направлении - от абстрактного качества "социальности" к конкретному воплощению этого качества в определенной группе людей и их способе жизни.

Понятие "общественность" становилось все популярнее в связи с двумя новыми процессами, сопровождавшими александровские реформы 60-х годов. Первый - развитие независимой коммерческой прессы, особенно ежедневных газет с массовым тиражом. Распространение практики их чтения сформировало сферу публичной информации и дискуссии, объединившую образованные слои общества и поддерживавшую принадлежность к некоторому воображаемому сообществу, читающей и дискутирующей публике, "поверх" многочисленных сословных разграничений. "Общественность" стали прочно ассоциировать с общественным мнением, с критически настроенной пишущей и читающей публикой. В свою очередь, сферу общественного мнения воспринимали как самостоятельную силу и часто открыто противопоставляли государственной (официальной) точке зрения. Герценовский "Колокол" постоянно апеллировал к

общественному мнению и одновременно воспроизводил его как новый политический институт. Либеральный историк рубежа веков Василий Маклаков озаглавил свои мемуары, описывавшие эту пору, "Власть и общественность на закате старой России". Этим названием он давал представление о двух конкурировавших источниках власти - государственной власти и авторитете гражданского общества. Таким образом, в российском контексте первым реальным элементом гражданского общества стала общественность как сфера открытых публичных дебатов и общественного мнения - в том важном значении, какое придал термину «Oeffentlichkeit» (или «public sphere») немецкий социальный теоретик Юрген Хабермас. Этот аспект общественности устойчиво развивался в России вплоть до 1917 года.

Второй компонент рассматриваемого нами процесса был связан с практикой местного самоуправления. Земская реформа 1864 года положила начало формированию земств, сфера деятельности которых охватывала вопросы местного хозяйства и финансов, торговлю и промышленность, образование, строительство, судебное производство, поддержание общественного порядка и медицинскую помощь населению. Земцев тоже называли общественностью. Институт, созданный, чтобы сбалансировать последствия крестьянской реформы 1861 года, которая освободила крестьян от крепостной зависимости, а помещиков - от ответственности за их жизнь и благополучие, был в значительной степени независим от центрального правительства и способствовал развитию навыков территориального управления и участия в общественной жизни. К тому же земства были неполитическим институтом; им было запрещено участвовать в государственной политике, хотя именно они вырастили много думских политических деятелей. Благодаря деятельности земств общественность начали ассоциировать с самоуправлением. Земства накопили опыт независимой организации социальной жизни - второго ключевого элемента и практики гражданского общества. Это движение постоянно развивалось в течение более 30 лет и в 1903-1904 годах выросло в политическую силу, вступившую в борьбу за конституционные реформы.

Итак, к началу XX века "общественность", бывшая для Карамзина лингвистической возможностью помыслить некое качественное состояние социума, получила практическое содержание. Ее стали связывать с носителями критического общественного мнения и группами людей, выполнявших

общественные обязанности или работавших на общие интересы (*res publica*, по-русски "дело общественное") за пределами или помимо сферы государственных служебных обязанностей. Так же, как бюрократию можно рассматривать как персонификацию государства, "общественность" воплощала в себе идею общества.

Что касается советского периода, то хотя общество не только не было полностью огосударствлено, но и выработало самостоятельные типы солидарности, противостоявшие государству, однако вписать отношения между обществом и государством в СССР в классические теории гражданского общества трудно. Есть основания полагать, что мы имели дело не с зачаточным гражданским обществом, которое по мере ослабления государства должно было бы развиваться и укрепиться, а с чем-то иным, трудно укладываемым в политологические концепции.

Речь идет о дружеских сетях, существовавших прежде на "оборотной" стороне советского общества, и ставших ныне явной частью постсоветского бизнеса и клановой политики. Сети патронажно-клиентских отношений наиболее важны для формирования политических квазикланов и бизнес-связей; однако ядра некоторых политических и экономических группировок составляют трансформированные и до определенной степени институционализированные бывшие сети друзей.

Процессы политической и экономической либерализации в России разрушили не только систему центральных партийно-государственных институтов и органов регионального управления. Расстроились и повседневные практики, в том числе взаимодействие внутри первичных групп, дружеское общение и личные связи. Политические и экономические реформы 90-х годов и "шоковая терапия", увенчавшаяся дерегулированием и приватизацией, еще больше углубили социальные изменения. Они серьезно воздействовали на блат и всю неформальную сферу. Влияние было взаимным и имело два аспекта - преемственности (вклад блата в проведение рыночных реформ) и изменений (рынок разрушал среду функционирования блата и формировал "новую русскую" этику). Однако, хотя прежние формы солидарности во многом сохранились, произошли и радикальные сдвиги. Реформы существенно расширили сферу монетарных обменов. Деньги "стали реальными", то есть обрели покупательную способность. Появилась возможность их накапливать и инвестировать; они стали

приносить прибыль и дифференцировать общество. Превратились в самый большой дефицит и всеобщую потребность, и именно на их добывание люди начали направлять все свои связи и контакты. Рынок видоизменил личные отношения между людьми. До 1991-1992 годов друзья считались наиболее надежными бизнес-партнерами. С 1994 года часто говорят противоположное: "не имей дела с друзьями - потеряешь друга", "бизнес нельзя смешивать с личными отношениями и симпатиями". В ход пошла старая народная мудрость "дружба дружбой, а денежки врозь" и новый русский юмор "не имей сто друзей, а имей сто... долларов". Ниша "человечности", которую занимал блат, исчезла. Сейчас факт знакомства такой роли больше не играет, так как известно наверняка, сколько стоит та или иная услуга и сколько недостает в кармане оказывающего ее.

Подводя предварительный итог сказанному выше, можно констатировать, что крах тоталитарного режима в России создал некоторые условия для пробуждения гражданской активности, и в годы перестройки начался впечатляющий подъем так называемых неформальных общественных движений и антибюрократических, антиноменклатурных массовых политических течений. Однако они носили конъюнктурный характер и в значительной мере "ушли в песок" после свержения власти КПСС. Будучи продуктом относительно кратковременного общественного настроения, эти движения не привели к возникновению устойчивых гражданских социально-психологических ориентаций, к формированию такой системы массовых социальных представлений, которая могла бы лечь в основу развития гражданского общества.

Можно назвать несколько причин этого явления, в том числе обострение экономических трудностей и тяготы повседневной жизни. Но дело было и в спонтанном характере произошедшего в конце 80-х - начале 90-х годов взлета общественной активности. "Взрыв" социальной энергии, подавляемой тоталитаризмом, мог бы трансформироваться в относительно устойчивые поведенческие ориентации только при одном условии: если бы общественное сознание освоило знания и представления, нормы и ценности, стимулирующие и легитимирующие общественную активность людей. Как доказывают некоторые влиятельные школы социальной психологии, в современном обществе с характерной для него сложностью внутренних взаимосвязей и отношений, избытком и противоречивостью источников массовой информации радикальное

обновление социальных представлений и их организация в единую систему происходят лишь в том случае, если они опираются не только на собственный опыт людей, но и на отвечающие этому опыту научные или идеологические концепции, интенсивно коммуницируемые массовому сознанию. Это тем более верно по отношению к перестроечной и постперестроечной России, где опыт жизни "по-новому" еще крайне беден, фрагментарен и хаотичен.

Особенно мощное препятствие на пути развития в России гражданского общества - отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре. Что касается демократии и гражданского общества, то тут понятия и практика тесно связаны друг с другом. Существование пусть даже формальных и ограниченных демократических институтов (как в ряде стран Западной Европы в середине XIX века) стимулирует гражданскую активность, а она, в свою очередь, превращается в мотор развития демократии. Представления, устойчиво мотивирующие массовую гражданскую активность, способны сложиться в российском обществе лишь в неразрывной связи с развитием демократического сознания; практически оба эти процесса неразделимы. Оба требуют широкого притока в общественное сознание новых концептуальных знаний о демократических принципах и нормах общественной жизни.

Однако замена старых представлений на новые зависит, очевидно, не только от соответствия новых знаний изменившейся действительности, но и от свойств старых представлений - их целостности, жесткости или изменчивости, насколько они поддаются модификации и различному истолкованию. Это побуждает видеть в культурных и социальных архетипах русского менталитета один из важнейших факторов социальных познавательных процессов в посттоталитарном обществе. В целом эти архетипы менее благоприятны для восприятия либеральных идей, чем в ряде переходных обществ Центральной и Восточной Европы.

Для россиян традиционно характерен, во-первых, государственно-патерналистский комплекс: к власти не испытывают ни любви, ни доверия, но от нее и только от нее зависит как хорошее, так и плохое в жизни индивида. Во-вторых, для этого менталитета характерна психология уравниательства, не имеющая ничего общего с ценностью равенства в западной демократической культуре. На индивидуальном уровне ее (как и государственно-патерналистский комплекс) питает осознанное или подсознательное ощущение социальной

слабости личности. Уравнительство играет роль компенсатора: если человек живет бедно и плохо, его "утешает", что окружающие живут так же. Того, кто с помощью неординарного поведения добивается более высокого материального и социального статуса, осуждают, потому что он лишает других этого утешения, становится для них источником психологического дискомфорта. Легитимным считают только такое повышение статуса, которое происходит не в результате личных усилий, а по воле судьбы или начальства. В традиционной русской культуре уравнительство связано с отсутствием в ней этики успеха и достижения, сыгравшей столь большую роль в развитии западных обществ. Слабая ответственность за собственную жизнь, перенесение этой ответственности на надличностные инстанции (судьба, Бог, власть, социальные институты) типичны для исторически сложившегося идеотипа русской личности. Его "ядро" образует комплекс социальной слабости, даже беспомощности, и именно в нем правомерно видеть главное психологическое и культурное препятствие развитию гражданского общества.

Сошлюсь на несколько характерных размышлений и наблюдений известных философов.

Константин Леонтьев: Германский феодализм положил начало "чрезмерному самоуважению лица... которое... и породило все эти нынешние фразы о беспредельных правах лица... сделало из всякого простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства".

"Россия не просто государство; Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, - это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности". Главная цель России - развитие "своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации, от европейской... настолько же отличной, насколько были отличны: эллино-римская от... халдейской и персо-мидийской".

Георгий Федотов: "...Россия не может равняться с Францией или Германией; у нее особое призвание, Россия - не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет - как Россия".

Николай Бердяев: "Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира".

Приведенные слова констатируют русскую самобытность, выдают мессианские и цивилизационные притязания и только в одном случае - резко отрицательное отношение к "правам лица" и его претензии выделиться из числа поденщиков и сапожников. Однако утверждение отличий России от европейского мира, глубоко коренящихся в культуре и практически непреодолимых, крайне важно для понимания судеб гражданского общества в России. Тот факт, что и гражданское общество-идея и гражданское общество-практика родились и развились не в российском, а в европейско-североамериканском цивилизационном мире, часто и служит обоснованием невозможности и ненужности демократических институтов в нашей стране.

Эти черты менталитета сформировались в эпоху царизма и крепостного права, а затем были усилены тоталитарной системой. Тем не менее, неправильно считать, будто русские умонастроения последовательно антилиберальны и антидемократичны. Россия конца XX века - индустриальное, урбанизированное общество, и к тому же одно из самых образованных в современном мире. Как и любое общество такого типа, оно неоднородно в культурном отношении: общенациональные традиции обладают неодинаковым влиянием и устойчивостью, по-разному интерпретируются в рамках различных субкультур. Последние можно выделить по разным основаниям. Наиболее "грубое" деление - на городскую (большие, отчасти средние города) и сельскую (деревня, малые города) культуры. Сельская, как и повсюду, консервативна, но не потому, что ее носители, чаще всего голосующие на выборах за коммунистов и националистов, - убежденные сторонники коммунистической и националистической доктрин. Их консервативное социальное и политическое поведение объясняется страхом перед переменами. Ибо жители русских сел и маленьких городов на собственном опыте знают: перемены приходят из Центра, их порождают и проводят в жизнь какие-то чуждые им интересы власти или городских социальных слоев - без учета мнений и предпочтений крестьян. Именно в рамках сельской субкультуры наиболее устойчиво сохраняются традиционные социальные архетипы.

В современной России термин "гражданское общество" как лозунг оппозиции имел заметный, но кратковременный успех. Ранний оптимизм

постдиссидентских групп, действовавших во имя "гражданского общества", довольно быстро иссяк. Временный успех движения за гражданское общество не привел к его реальному формированию.

В 1990-х годах идеалистические надежды на возрождение гражданского общества иссякли. Распространение коррупции и клиентелизма в структурах демократической власти и переход "от плана к клану" (выражение американского политолога Дэвида Старка) представляют собой с точки зрения либеральной идеологии реформ наихудший сценарий. А выход на поверхность и криминализация того, что венгерский социолог Элемир Ханкиш назвал "вторым обществом" (неформальной сферы, характеризующейся "нулевой степенью" социальной организации), показывает: либо сам разговор о гражданском обществе в российском контексте неуместен, либо эту концепцию следует применять по-иному.

Таким образом, обобщая, можно сказать, что гражданское общество – это совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать, общество автономных индивидов и автономных социальных субъектов.

Необходимое условие функционирования гражданского общества - существование определенного типа личности. Его характеризуют, с одной стороны, высокий уровень индивидуальной автономии по отношению к социуму вообще и к государственной власти в особенности. Такую личность многие авторы определяют как самоценную и самодостаточную. С другой стороны, этому типу личности присущи способность конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способность подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах.

Совершенно очевидно, что для формирования такого типа социальных субъектов необходимы определенные институциональные предпосылки, прежде всего минимум демократических прав и свобод, делающих возможными и законными как автономию личности, так и самоорганизацию граждан для отстаивания общих интересов и целей. Однако одних лишь институциональных (в том числе правовых) условий для этого недостаточно. Не меньшую, а, возможно, большую роль играют предпосылки культурные и социально-психологические. Субъектами гражданского общества могут быть, во-первых, только люди,

знающие, что собственные действия - наилучший способ защиты своих интересов, решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем. Во-вторых, реальный или потенциальный субъект гражданского общества - это человек, уверенный в том, что добиться реальных результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей.

Теперь о проблемах взаимоотношений российской журналистики с гражданским обществом. Я исхожу из того, что гражданским можно называть только общество, в котором сама структура отношений ориентирована так, что гражданин рассматривает себя как ведущую силу общественного жизнеустройства. Гражданское общество - это не просто набор механизмов, структур, институтов, а некий дух, позволяющий конкретному индивиду постоянно ощущать, что он значимый элемент общественной жизни, что все остальные структуры существуют для того, чтобы он жил и развивался, чтобы его единичный голос был значимым аргументом в выборе путей развития общества.

Это возможно только в том случае, если общество стоит на трех равновеликих и прочных опорах: авторитетной и профессиональной власти, мощном и хорошо структурированном гражданском секторе и свободных, независимых и ответственных СМИ. Ни одна из этих структур не должна подавлять или подчинять себе другую, и ни одна из них не должна снимать с себя ответственность за действия двух других и общества в целом. Любой перекос во взаимоотношениях этих трех социальных структур ведет к деструктивным процессам в обществе, вынуждает людей приспосабливаться к этим деструкциям и сочинять в оправдание своим приспособленческим действиям самые дикие теории и экзотические "правила игры".

В накопившейся на сегодняшний день политологической литературе, посвященной анализу переходных процессов, проблематика гражданского общества занимает одно из наиболее заметных мест. Можно "гражданского общества" в одну из наиболее модных в последнее десятилетие концепций политической науки. В основе этой академической моды лежит вполне обоснованное убеждение многих ученых и политиков-практиков в том, что между ходом демократических преобразований и развитием гражданского общества существует принципиальная взаимосвязь, что формирование институтов гражданского общества и становление самостоятельной низовой гражданской активности самым непосредственным образом способствует процессу

демократизации и гражданское общество прокладывает, так сказать, дорогу к демократии.¹

Некоторое время назад среди российских политических деятелей и аналитиков демократической ориентации было распространено представление о том, что по мере разрушения социально-психологических опор прежней коммунистической системы будет происходить становление новых форм общественного сознания, создающих фундамент альтернативной демократической системы. Считалось, что гражданское общество окажет в России действенное сопротивление власти и авторитарным тенденциям, что структуры гражданского общества явятся важнейшим элементом процесса демократизации. К сожалению, реальность не подтвердила эти расчеты. Непредвзятый анализ показывает, что далеко не все структуры третьего сектора действительно заинтересованы в демократии.

Не вдаваясь в неясность различения гражданских, политических и иных негосударственных, неправительственных структур, можно уверенно сказать, что третий сектор и демократия в России находятся в очень непростых отношениях. В России на сегодняшний день полным полно НГО и НПО, но то, что в России нет гражданского общества, это настолько очевидно, что даже спорить с этим никто не хочет. Не успев стать нормальным противовесом государству, некоторые российские НГО уже активно вписались в систему управления, становясь неким инструментом власти, с помощью которого власть решает некоторые свои задачи. Последнее время у меня возникают все большие подозрения, что значительная часть всех этих спортивных клубов, хоровых обществ, кооперативов и культурных

¹ Вместе с тем, опыт переходных процессов во многих поставторитарных странах говорит о необходимости избавиться от ряда существующих сегодня довольно упрощенных представлений о гражданском обществе, когда оно чуть ли не отождествляется с демократическим обществом. В последнее время специалисты, изучающие политические преобразования в России, все чаще подчеркивают трудности и препятствия, мешающие гражданскому обществу реализовать его роль в демократизации страны. Как правило, это связывается с медленными темпами формирования структур этого общества, с чрезвычайной сложностью трансформации прежних, служивших интересам коммунистической системы ячеек "квазигражданского общества", наконец, с тем, что десятилетия коммунистического правления уничтожили в обществе импульсы к независимой гражданской активности, лишили массы веры в свою способность отстаивать собственные интересы, прибегая для этого к различным формам гражданского давления на власть. В действительности, однако, проблема значительно сложнее. Думается, что, характеризуя реальное состояние гражданского общества в России, следует обратить внимание не только и даже не столько на его "количественные", сколько на его "качественные" параметры, и в первую очередь на особенности общественного сознания и базовых ценностей масс.

ассоциаций организованы самой властью для своих целей. Более того, осмелюсь сказать, что некоторые из этих структур гражданского общества выступают не против авторитаризма, а против демократии. Поэтому, мне кажется, надо бы вновь вернуться к вопросу том, что есть в России власть, и что есть гражданское общество.

В социально-психологическом отношении российское общество все еще пребывает, так сказать, в "разобранном состоянии", которое вообще не способно пока служить фундаментом чего-либо. И в такой ситуации инициатива, необходимая для углубления и закрепления демократических реформ, не может исходить "снизу", со стороны масс и институтов гражданского общества. Гражданскому обществу не хватает консолидированности для обеспечения такого вектора развития. В связи с этим сохраняется, а в некоторых отношениях даже усиливается "верхушечный" характер выработки курса политических сил, пребывающих у власти. Основными агентами общественных преобразований в России и их гарантами оказываются (или, если угодно, остаются) элитные группы и представители власти, но не гражданское общество. Ясно, однако, что в подобной ситуации перспективы преобразований зависят от множества случайностей. Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс демократической трансформации в стране и сколь опасно велика в нем роль отдельной личности. Ясно и то, что власть в таких условиях не только оказывается главным "мотором" реформирования общества, но и получает широкие возможности определять характер осуществляемых перемен в своих интересах. Таким образом, модернизация и демократизация российского общества обретают черты авторитарности.

Свойственное российской ментальности понимание свободы весьма специфично. Оно несет на себе отпечаток правового нигилизма и, как справедливо отмечал в свое время Н.Бердяев, пронизано тягой к анархии. В этих условиях неформальная активность самодеятельных граждан зачастую усиливает элементы хаоса в общественном развитии сегодняшней России, оборачивается злоупотреблением автономией, нарушением баланса интересов общества в целом и усилением в нем центробежных, конфронтационных тенденций.

Все это говорит о том, что процесс становления гражданского общества в России привел, к сожалению, явно не к тем результатам, которые рисовались в концепциях, отводивших этому обществу главенствующую роль в превращении

демократии в образ жизни. В реальности гражданское общество как общество независимых, самостоятельных граждан, самостоятельно выражающих и защищающих свои интересы, в значительной мере приобрело достаточно уродливые черты, характеризуясь фрагментированностью, криминализацией, национализмом, нетерпимостью к инакомыслящим и максимализмом в отстаивании узкогрупповых, эгоистических интересов.

Российская пресса как фактор становления гражданского общества

Общеизвестно, что в гражданском обществе СМИ являются одним из важнейших элементов социальной структуры. Прежде всего они обеспечивают население достоверной и актуальной информацией о наиболее важных для граждан событиях. Во-вторых, они участвуют в выражении и формировании общественного мнения о тех или иных политических институтах, об экономической, политической, культурной и других сферах жизни общества. В-третьих, СМИ реализуют образовательную функцию, которая, в свою очередь, связана с функцией социализации и, по существу, перерастает в нее. Кроме того, СМИ в правовом гражданском обществе осуществляют, опираясь на общественное мнение и на закон, функцию критики и контроля. И наконец, самое главное. Именно СМИ выступают в гражданском обществе инструментом диалога между различными социальными группами. Только такой диалог, основанный на журналистской этике и правилах ведения бизнеса в сфере СМИ, способен сплотить, консолидировать общество, политически просвещать людей, развивать в них чувство собственного достоинства, а не являться орудием духовного порабощения, запугивания и дезинформации людей.

Так уж случилось, но в силу переходности состояния российского социума, именно СМИ, начиная с 1985-1986 годов, взяли на себя функции гражданского общества. Можно сказать жестче - журналистское сообщество узурпировало право выражать цели, интересы, ценности, чаяния граждан. Узурпировало вынужденно, ибо не было никаких иных механизмов и структур, которые могли бы демократическим путем консолидировать мнение граждан, не было и нет до сих пор.

Однако в процессе реализации этой миссии СМИ породили для себя и общества серьезную проблему. Сегодня пресса по-прежнему выражает от имени населения его интересы, ценности, представления, при этом, как правило, вообще не обращаясь к населению. И пресса, полная самых благих намерений, постепенно перестала слышать мнения населения и стала рассматривать себя не как трибуну, а как голос гражданского общества. Население - само по себе, а пресса - сама по себе. Профессиональное сообщество, обслуживающее прессу, безусловно, относится к продвинутым социальным слоям, но может ли оно считать себя на этом основании голосом этого общества? Может быть, оно является голосом лишь самого себя?

К чему это привело? Главный редактор "Московских новостей" В.Лошак, выступая на одной из научно-практических конференций, сказал: "На всех нас лежит тяжелейший груз ответственности за несбывшиеся надежды наших читателей". И, в каком-то смысле, он прав. Пресса говорила как о реальности о том, что было лишь возможностью. А потом люди, которые верили всем этим фантазиям, сказали: "Ничего же нет: демократии нет, права нет, рынка нет - журналисты нас обманули". Однако ощущение личной ответственности возникло лишь у некоторых журналистов. Все остальные продолжают исполнять свои роли и петь написанные для этих ролей сольные или хоровые партии.

Все серьезные аналитики, изучающие российские масс-медиа, сходятся во мнении о том, что в сегодняшней России положение дел в сфере выполнения журналистами своей информационной функции существенно усложнилось. С одной стороны, средства массовой информации превратились за прошедшие годы в важнейший и, может быть, единственный по-настоящему действенный институт, в какой-то мере реализующий идеи демократии. С другой стороны, оказалось, что гласность сама нуждается в определенных гарантиях, главными из которых являются развитость гражданского общества, согласованность рыночных преобразований и становления демократических учреждений, опирающихся на создание действительно эффективных судебной и правоохранительной систем.

В отсутствие этих гарантий свобода печати стала быстро выдыхаться, и журналисты почувствовали себя обманутыми. Оказалось, что поменять названия и учредителей еще не значит решить все проблемы. После экономических и политических катаклизмов произошел вполне объяснимый спад интереса населения к СМИ. Тиражи газет и журналов упали в несколько раз и вряд ли

когда–нибудь поднимутся до прежнего уровня. Почувствовав жесткую руку рынка, многие журналисты стали проситься обратно в социализм. Стоит напомнить о том, что в январе 1994 года редакторы нескольких крупных газет объявили о готовности к забастовке, требуя у Правительства финансовых дотаций.

Одна из самых тяжелых травм последнего времени – ощущение потери независимости. Опросы экспертов, проводившиеся Институтом гуманитарных коммуникаций в течение нескольких лет, показали, что степень независимости всех типов и видов масс-медиа все эти годы падала².

Динамика уровня независимости СМИ в России (по пятибалльной шкале)

СМИ	Годы									
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Общероссийские газеты	4.5	4.3	2.6	3.6	3.1	2.4	2.3	2.6	3.1	1.3
Общероссийские журналы	4.6	4.5	3.1	4.2	3.2	2.1	2.3	2.3	3.3	1.2
Региональные газеты	3.2	3.3	2.6	2.6	2.3	1.6	1.3	1.8	2.5	1.1
Региональные журналы	2.5	2.2	2.1	2.2	2.3	1.2	2.2	1.6	2.1	1.3
Общероссийское телевидение	3.8	3.3	2.3	2.6	2.3	1.7	2.1	2.4	3.0	1.4
Региональное телевидение	2.7	2.3	2.3	2.3	2.3	1.7	1.1	2.1	3.2	1.3
Общероссийское радиовещание	3.6	4.1	3.2	3.3	3.3	2.3	2.3	2.4	2.6	1.3
Региональное радиовещание	2.8	2.3	2.3	2.3	2.1	2.2	1.7	2.2	3.2	1.3
<i>Средняя</i>	<i>3.5</i>	<i>3.3</i>	<i>2.6</i>	<i>2.9</i>	<i>2.6</i>	<i>1.9</i>	<i>1.9</i>	<i>2.2</i>	<i>2.9</i>	<i>1.3</i>

Причины общеизвестны. Во-первых, общее ухудшение экономической конъюнктуры в стране, вызванное обострением системного кризиса. Обнищание населения, отсутствие конкуренции между производителями, а следовательно, отсутствие потребности в рекламе, поставило средние и мелкие СМИ, особенно в

² Основные смыслы, вкладывавшиеся экспертами в понятие «независимость СМИ» показаны в таблице.

Независимость СМИ — это...	%
...профессиональная самостоятельность, способность непредвзято воспроизводить действительность	27.1
...экономическая независимость	25.3
...плюрализм, существование различных СМИ, каждое из которых сообщает ту информацию, которую считает нужным	23.4
...ориентированность на интересы общественности, а не государства или хозяев	12.3
...фантом, химера	11.9

регионах, на грань финансового выживания и обострило проблему зависимости журналиста от издателя и собственника СМИ, злоупотребляющих экономическими рычагами давления на творческие коллективы. Так что в современной России на смену “телефонному праву” (а точнее, “управлению по тенденциям”) пришли иные отношения между властями и СМИ – прежде всего, основанные на финансовой зависимости масс-медиа, гораздо более крепкой, чем пресловутое “телефонное право”.

Во-вторых, если на федеральном уровне информационное законодательство носит достаточно прогрессивный характер, то на региональном уровне действуют такие нормативные акты, которые ставят СМИ в очень тяжелое положение. Проведенное в 1999 году исследование «Общественная экспертиза», убедительно доказало, что на сегодня в России нет ни одного региона, в котором был бы создан благоприятный режим для всех стадий создания информационного продукта. Лишь в десяти регионах России существуют более или менее благоприятные для условия доступа к информации, а в одном субъекте федерации - благоприятные условия производства, а также распространения информационного продукта, ни в одном из них положительные факторы не сходятся воедино и не дают в итоге комфортный законодательный и политический субклимат для СМИ. Выяснилось, что чаще всего региональный законодатель видит в СМИ инструмент влияния власти на происходящие в регионе процессы.

В-третьих, существенно ухудшилась ситуация с доступом журналистов к информации.

В результате возникла извращенная система отношений между журналистикой и другими социальными структурами. Журналисты в своей деятельности стали ориентироваться не столько на население, которое потребляет производимую журналистами продукцию, в том числе и новостийную, и оплачивает услуги профессионалов, сколько на различные элиты, которым СМИ нужны не как источник информации, а как инструмент решения пиаровских, политических и иных задач.

Поэтому не вызывает удивления широчайшее распространение “заказной”, в том числе и новостийной журналистики, когда выбор сюжета и подход диктуются лицом, заинтересованным в освещении в прессе, за что станция, журналист, редактор или продюсер получают деньги или иное вознаграждение. Эта практика широко распространена на российском телевидении и в печати; она противоречит

Закону РФ «О рекламе», принятому 18 июля 1995 года, в котором говорится, что "информационным организациям СМИ не разрешается размещать платную рекламу под видом информационных, редакционных или авторских материалов". По всеобщему убеждению, заказная журналистика стала обычным явлением.

Неудивительно, что данные опросов аудитории показывают, что многие россияне считают, что СМИ не отличаются объективностью, что журналисты выполняют заказ, что "журналисты работают на тех, кто им платит". По данным опроса, проведенного Фондом "Общественное мнение", 49% читателей и зрителей считают, что политическая позиция владельца СМИ безусловно влияет на отбор политических новостей и комментариев к ним в данном СМИ, а еще 24% ответили, что "скорее влияет". Это означает, что 73% опрошенных не только вполне отдают себе отчет в том, что у СМИ, откуда они чаще всего узнают политические новости, есть какой-то владелец (хотя 57% опрошенных затрудняются сказать, кому именно принадлежит конкретный канал или издание), но и ясно осознают, что именно точка зрения этого лица преподносится данным СМИ как "объективное отражение действительности".

Нынешняя ситуация в системе российских масс-медиа характеризуется следующими негативными факторами.

Существенная разница между регионами в насыщенности СМИ. Так, например, в Ростовской области насыщенность печатью в полтора раза ниже, чем в соседнем Краснодарском крае. Во Владивостоке реально функционируют 18 местных телекомпаний, в Екатеринбурге – 11, во всех остальных регионах – по 5-6. В Воронежской области выходит 156 газет, а в Красноярском крае в 1998 году зарегистрировано около 600 СМИ.

Концентрация СМИ в руках отдельных владельцев; создание финансово-информационных монополий; поглощение крупными информационными "империями" средних и мелких газет и телекомпаний, особенно в регионах. Специалисты утверждают, что вторая половина 90-х годов на информационном рынке России отмечена резкой активизацией процессов концентрации медиа-собственности – формированием больших компаний, способных на масштабные инвестиции в новые технологии, большую трату денег на создание программ, быструю переброску капитала из одного подразделения в другое и т.п. При этом на авансцену выдвигаются медиа-организаторы – бизнесмены, обеспечивающие телерадиовещание и прессу значительными

инвестициями, а себя – положением монополистов на рынке СМИ. (Впрочем, самым крупным монополистом на информационном рынке по-прежнему остается государство, которое имеет в своей собственности большинство типографий и все РТПЦ, превратившиеся в филиалы ВГТРК.) И, как указывает Анна Качкаева, здесь нас не должен обманывать видимый плюрализм современных российских СМИ – зачастую он скрывает монополистический контроль в сфере массовой информации и развлечения. В России пока что нет ни традиции, ни правовой базы для регулирования концентрации СМИ, ведь общеэкономические регуляторы, в частности антимонопольное законодательство, совершенно неприменимы к такой специфической отрасли, как СМИ³.

Усиливающаяся финансовая непрозрачность СМИ. Как указывается в исследовании «РОССИЙСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЛАСТЬ И КАПИТАЛ: к вопросу о концентрации и прозрачности СМИ в России», манипуляции со “скрытой” рекламой и налогами, бартерная реклама, выплаты неучтенными средствами, “приписки” тиражей и т.п. не позволяют всерьез говорить о прозрачности рынка СМИ, в том числе рекламного. Многие сведения, связанные с учредителями, реальными владельцами безо всяких оснований считаются коммерческой тайной. Никакой конкретной информации о том, кто в действительности стоит за многочисленными ООО, ТОО и ЗАО, из типовых уставов не получишь. Совершенно очевидно, что все эти явления способны поставить под сомнение перспективы развития свободных СМИ в России. Как правило, годовые отчеты компаний не публикуются, 90% негосударственных СМИ считают свои годовые отчеты коммерческой тайной, с уставом предприятия подавляющее большинство журналистов не знакомы. В редакционных коллективах достаточно распространены выплаты неучтенными наличными средствами, необлагаемыми налогами.

Высокая степень административной и финансовой зависимости СМИ от властей. Так, например, каждая вторая областная, краевая и республиканская газета имеет в числе своих соучредителей городские, областные, краевые или республиканские органы власти. Причем исполнительная власть (администрации, мэры, госкомпечати, кабинеты министров) в два раза

³ См.: «РОССИЙСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЛАСТЬ И КАПИТАЛ: к вопросу о концентрации и прозрачности СМИ в России». Центр "Право и средства массовой информации" Серия "Журналистика и право" Выпуск 18.

чаще является соучредителем, чем законодательная (городские думы, госсобрания республики и т.п.). А процент общественных организаций, коммерческих структур на их фоне довольно низок. Частных же лиц среди учредителей печатных СМИ более или менее высокого уровня нет.

Во всех регионах журналисты признают, что власть поддерживает “свои” СМИ. Причем, если бы таким изданиям выделялись только бюджетные деньги, которые для ряда областных и городских изданий и телерадиокомпаний вписаны отдельной строкой в соответствующие бюджеты, то редакторы негосударственных изданий вряд ли бы возмущались. Но, помимо всяческих дополнительных благ официальным бюджетным изданиям, в каждом из регионов существуют по 2-3 газеты и как минимум одна телекомпания (помимо региональной ГТРК), которые тем или иным способом финансируются из бюджета города, области, края.

Активное проникновение столичных СМИ на региональные информационные рынки. В этом контексте чаще других упоминаются газеты “АиФ”, “МК”, “Комсомольская правда”, группа “Сегодня”, “Русское радио”, “Европа-плюс”). Все эти издания и радиоканалы выдерживают формат и содержательную направленность учредивших их структур, чередуют местные материалы с московскими, платят учредителю за марку, а учредитель, в свою очередь, предоставляет интеллектуальную поддержку “вассальному” изданию, помогает с оборудованием (в случае с радио), обеспечивает защиту в суде (в случае с газетами).

К сказанному выше можно добавить, что если раньше региональные СМИ находились практически в полной зависимости от региональных лидеров – президентов и губернаторов, то в начале января 2001 г. Владимир Путин подписал документ, в соответствии с которым материальная поддержка региональным СМИ будет идти, минуя региональные власти, непосредственно из Центра. Необходимость принятия такого решения мотивировалась тем, что региональные власти, распределяя ресурсы, оказывали давление на средства массовой информации. Это действительно так. Давление было чудовищным. Но чем лучше давление, которое будет оказываться из Москвы, чем давление, которое оказывали губернаторы? Предположить же, что федеральная власть будет оказывать равную поддержку всем СМИ невозможно даже в самых радужных мечтаниях.

Одним из результатов действия всех этих факторов стала потеря некоторыми журналистами социального смысла собственной деятельности. В первые годы перестройки и примерно до 1993-1994 года многие журналисты рассматривали свою деятельность как социально значимую, а себя - как реализаторов некоей социально значимой функции. Начиная с 1995 года, стала действовать модель профессии как *игры* - журналист четко отделяет себя как личность от себя как профессионала. Мои личные взгляды, интересы, убеждения - это одно, а мои действия как профессионала - это совсем другое. Доведенное до логического конца такое раздвоение личности называется шизофренией. Но я говорю не о клинических случаях доктора Джекила и мистера Хайда, а о состоянии, когда журналист снимает с себя ответственность за свои профессиональные действия на том основании, что сам к этим действиям относится не как к социально ответственной деятельности, а как к забавной игре.

Так проявился новый феномен журналистики: перевод личностной самоориентации в игровую, фиктивную форму жизнедеятельности. Понятно, что, переводя себя в пространство игровой самореализации, журналист снимает с себя обязательство соблюдать правила *одной* игры. А ведь смысл любых правил игры в том, что они однозначно идентифицируют любую игру как данную, а не как какую-то другую. Журналист-игрок игнорирует правила игры, если они не заложены жестко, в виде неумолимого закона, в механизм самой игры, а представляют собой некоторое добровольное соглашение. Отсюда полное безразличие российских журналистов к любым этическим и профессиональным кодексам, которые во множестве сочинялись, подписывались и тут же всеми нарушались.

Один из горьких уроков последних лет заключается в том, что многие, очень многие российские журналисты рассматривают свою деятельность не как необходимое условие широкого и объективного информирования общественности, а как возможность получить в свои руки эффективный инструмент личного участия в политической или экономической борьбе, в лучшем случае как средство индивидуальной самореализации в глазах изумленной аудитории и завистливо вздыхающих коллег.

Журналисты прекрасно знают о том, какие широчайшие масштабы приобрел прием "вешания лапши на уши", то есть выдачи журналисту внешне правдоподобных, непротиворечивых на первый взгляд и подробных данных, на

самом деле являющихся неполными, а то и ложными. На юридическом языке можно сказать: намеренное введение журналиста в заблуждение. Но, получая эту «лапшу», журналисты очень редко проверяют предоставленную информацию и еще реже припирают лжеца к стене, предпочитая перевешивать эту «лапшу» на уши аудитории и оправдываясь потом тем, что это не мы, журналисты, а источник информации виноват в том, что общественное мнение введено в заблуждение.

Помимо внешнего контроля за допуском журналистов к информации, все активнее проявляет себя журналистская самоцензура. Под самоцензурой следует понимать сознательное и добровольно принимаемое журналистом решение не интересоваться какими-либо фактами, а если они вдруг станут ему известными, то - не публиковать эти сведения.

Таким образом, можно констатировать, что в корпоративной культуре журналистов отчетливо проявлено напряжение между чистым профессионализмом («техникой пера») и общественным призванием журналиста («миссией пера»). Особую остроту эта проблема приобретает в связи с тем, что весь набор традиционных понятий, с помощью которых современный россиянин описывает себя и окружающий мир, перестает работать. Утрачивают смысл самые простые слова: сегодня мы вряд ли сможем объяснить даже самим себе, что такое «гражданское общество», «класс», «семья» и т.д. Следовательно, СМИ должны взять на себя ту роль, которую когда-то, в эпоху Просвещения, они уже выполняли: роль помощника человека, осуществляющего выбор своего жизненного проекта. В современном гражданском обществе не только понятие «гражданство» становится весьма умозрительным, но и буквально все формы социальности становятся предметом выбора человека. Если XIX век и начало XX века – это эпоха господства стандартных биографий в условиях индустриальной цивилизации, то теперь человек вынужден гораздо чаще перемещаться с одного социального места на другое, чаще выбирать между принципиально разными социальными статусами, чаще менять свою идентичность, вплоть до смены своего пола. Изменились и общественные представления о том, какой жизненный выбор – нормальный, а какой – нет.

Иными словами, на смену человеку стандартного жизненного пути приходит человек индивидуального жизненного проекта. Эти процессы начинают развиваться и в России, которая тоже, как уже указывалось выше, переживает серьезную цивилизационную ломку, приспособиваясь к новым условиям

глобального мира. Как этот переход может осуществиться, помимо активного участия в нем журналистики?

Заключение

Очевидно, что дальнейшие изменения в информационной ситуации будут определяться тем, по какому пути пойдет развитие государства и общества в целом. Самый пессимистический сценарий основан на предположении, что сопротивление определенных социальных структур сорвет планы перехода страны к рыночной экономике и демократии. Шансов на реализацию такого сценария немного, но они не равны нулю. Если развитие пойдет по этому пути, то России угрожает не только внутренняя, но и внешняя катастрофа. Что касается печати, то очевидно, что будет реставрирована тоталитарная система управления средствами массовой.

Другой сценарий, который многие специалисты считают наиболее вероятным, основан на предположении, что в обозримом будущем Россия будет умеренно авторитарным государством с экономикой смешанного государственно–капиталистического типа. В случае реализации этого сценария, государство на первых порах будет стремиться управлять средствами массовой информации, используя экономические и правовые рычаги.

В конечном счете, осуществляемый в России переход от индустриального общества к информационному приведет к становлению и развитию информационно–коммуникационных комплексов, которые будут выпускать не только газеты и журналы, но и другую печатную и аудио–визуальную продукцию. Эти интегрированные информационные предприятия будут основаны на комплексном использовании возможностей техники и средств создания и обработки информационно–публицистических материалов. Поскольку такие комплексы будут все в больше степени выходить из–под влияния властей, последние будут стремиться всячески воспрепятствовать их развитию, в частности, под предлогом борьбы с монополизмом в информационной сфере.

Понятно, что все это существенно изменит пространство профессиональной самореализации журналистов и потребует от них приспособления к ускоряющимся переменам. Постепенно все большее

количество журналистов будут понимать, что исходный пункт, альфа и омега бытия – не система, не организация, а живой, реальный человек. Все остальное: классы, коллективы, организации, группы – есть модусы его существования. Постепенно придет понимание того, что к читателю, зрителю, слушателю надо относиться не как к реципиенту или как к объекту управления, манипуляции, воспитания и т.п., а как к живому, сомневающемуся, ищущему эффективных способов организации своей жизни конкретному человеку. При таком подходе возникает возможность подлинного диалога, направленного на совместный поиск ответа на вопрос: «Как жить?».